

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН СССР

(доклады и сообщения)

декабрь 1978 г.

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1979

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
КАК ТЕМА КИТАЙСКОЙ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

I. В Европе, начиная с античности, сферы государственного и эстетического находились всегда на довольно значительном расстоянии друг от друга. Иначе обстояло дело в Китае. Государственность Срединной империи в целом была намного теснее, нежели европейская, связана с изящной словесностью, что наглядно демонстрируется образом китайского чиновника, который самой системой экзаменов вынужден был быть и литератором. В силу этого зачастую официальный китайский текст отделяла от изящной словесности весьма незаметная, а иногда и вовсе исчезающая грань.¹ С другой стороны, понимание государственной деятельности как главной формы проявления личностной сущности как самого государя, так и его сановников² сплавило воедино государственную службу и внутреннюю духовную жизнь носителя официальной китайской культуры, и этот сплав доказал свою необычайную прочность, сохранившись в течение многих веков и став одной из характерных черт всей духовной истории традиционного Китая. Именно акцент на "персоналистическом" характере государственной деятельности и обеспечивал, по нашему мнению, прочную связь между государственным и эстетическим. В наибольшей мере все это, естественно, относилось к личности самого государя. Единственный виновник всех несчастий в Поднебесной и единственный источник и гарант ее благосостояния, он, согласно господствующим официальным представлениям, должен был все переживать лично, эмоционально. Императору положено было глубоко скорбеть по поводу бедствий народа и декларировать свою радость в связи с успехами в гражданской и военной областях. Официальная документация придавала формульную строгость этим проявлениям монарших чувств. Так, каждое сообщение о стихийных бедствиях сопровождалось, как правило, традиционной формулой императорской скорби: "чжэнь синь чжэнь нянь", то есть, "у меня, императора, на сердце тревожные думы" /См. например, 7, цз. 269 л. 15; цз. 270 л. 16, л. 3а; цз. 271 л. 24а; цз. 272 л. 8а, л. 17а/. Но, естественно, чаще и намного пространнее фиксировал официальный документ монаршую радость. Особенно богато подобными примерами царствование императора Гао-цзуна (1736-1795). Так, осенью 1746 года Гао-цзун решил по случаю хорошего урожая, а

заодно и общего благополучия, царящего в империи вот уже десять лет со времени его восшествия на престол, устроить грандиозный банкет в павильоне Интай. Банкет должен был "явить единство мыслей государя и подданных и слить в гармонии радость от вкуса вина и звуков свирелей" /7, цз. 273 л. 10б - 11а/. На банкет, конечно же были приглашены и литераторы, призванные отразить в стихах "дух радости и восхваления [государя]" /там же/. Еще более грандиозные торжества были устроены в связи с шестидесятилетием царствования Гао-цзуна. Начиная с 1791 года придворные литераторы регулярно собирались во дворце Чунхуагун для составления стихов на тему "пяти благ" из классической "Книги документов" /10, цз. 52 л. 1б - 6б/. Под "пятью благами" в этом случае имелись в виду совершенство императора, которые и служили предметом воспевания на этих собраниях.

2. Все сказанное выше о государственной деятельности в целом относится и к внешней политике. Если в Европе, по крайней мере с XVII века, межгосударственные отношения находились в сфере правового регулирования и, следовательно, практически не имели никакого соприкосновения с областью эстетического, иными словами, не входили в круг тем, разрабатываемых каким-либо видом искусства, то в Китае, опять-таки, дело обстояло несколько иначе. Подход к управлению как к выявлению внутренней сущности совокупности с трактовкой императорской власти как распространяющегося из центра вдалека благого императорского влияния³ привели к созданию совершенно уникальной концепции внешних сношений, согласно которой приезд иностранцев был не результатом их собственного желания, а следствием влияния на них императорской личности. Приезды превратились, таким образом, как бы в один из показателей совершенства императора, благополучия дел в государстве и общей гармонии в космосе. В этом качестве они вполне подходили для того, чтобы стать одной, если и не очень популярной, то довольно устойчивой темой изящной словесности. Так знаменитый ханьский ученый Гунсун Хун (200-121 г. до н.э.) писал: "Я слышал, что когда субстанции ци подобны, то [возникает] следование, когда звуки соизмеримы [появляется] резонанс. Ныне наверху благая сила [дэ] владыки людей находится в гармонии, а внизу гармония народа соответствует [тому, что наверху]. Поэтому [государеву] сознание также находится в гармонии, а следовательно [и его] субстанция ци - в гармонии. [А когда] субстанция ци - в гармонии, то и звуки - в гармонии, когда звуки в гармонии, то Небо и Земля [также] отвечают

[/им/] гармонией. Поэтому стихи инь и ян пребывают в гармонии, ветер и дождь происходят в должное время, выпадает сладкая роса и созревают [все/] пять злаков, множатся [все/] шесть видов домашних животных, поднимаются обильные колосья, вырастают прекрасные травы. Горы не лишаются [лесного/] покрова, потоки не пересыхают. И это является высшим [проявлением/] гармонии. Поэтому [материальная/] форма [всего сущего/] также находилась в гармонии, в результате чего не было и болезней; так как не было болезней, то не было и преждевременной гибели. [А это значит, что/] отец не носил траур по сыну, старший брат не оплакивал младшего. Благая сила [дэ государя/] соизмерялась с Небом и Землей, а [его/] блеск был подобен солнцу и луне, появлялись единороги и фениксы, драконы и черепахи [попадались даже/] в предместьях, на реке Хэ всплывали планы, а из реки Ло появлялись письма. Среди повелителей дальних земель не было ни одного, кто бы не радовался должному. Они являлись ко двору и подносили дары. Это - предел гармонии" /4, 2616/.

Текст Гунсунь Хуна по функции - это доклад государю, но по форме - это изящная словесность, пример того, как исчезает грань между официальным документом и художественным словом. Но если доклад Гунсунь Хуна сторонники более узкого понимания художественного могут счесть изящной словесностью лишь в рамках китайской культуры, то о стихах знаменитого танского поэта Ван Вэй (701-761 гг.) этого уже не скажешь. В стихотворении "В ответ на стихи "Утренняя аудиенция во дворце Великой ясности" секретаря Цзя Чжа" Ван Вэй писал: "[Люди/] из десяти тысяч стран в [торжественном/] облачении и [парадных/] головных уборах склоняются перед драгоценностями, висящими на императорском уборе" /9, 2, 1296/. Текст "Моления старцу центра", написанный знаменитым сунским литератором Оуян Сю (1007-1072 гг.), обнаруживает примечательную близость со своим ханьским предшественником - докладом Гунсунь Хуна: "Пояса и шапки, - писал Оуян Сю, - покрыли сто племен мань, с яшмой и шелком прибыли из десяти тысяч государств. В прудах - драконы, в окрестностях - цилины. Планы всплывают на реке Хэ, а на реке Ло появляются письма" /8, т. 3, цз 15, 2/. Известный конфуцианский ученый начала династии Мин Сун Лянь в "Надписи для павильона "Вид на Янцзы" вдохновенно описал распахнувшийся перед государем пейзаж, не забыв при этом и иностранцев: "Он увидит безбрежный простор, паруса вверх и вниз по реке, вплотную друг к другу корабли иноземцев, [спешащих/] прибыть ко двору, и сокрови-

ща варваров, приносимые в дань непрерывным потоком" /6, т. 2, 536/.

3. Превращение темы приездов извне в один из необходимых элементов при описании государственного благополучия и общегосударственной гармонии в китайской литературе служит, по нашему мнению, свидетельством того, что эмоциональное и эстетическое восприятие представителями традиционной китайской культуры своей государственности распространялось и на сферу внешних сношений. Еще более убедительно говорит об этом "функционально включенная" в механизм внешних связей литература, примером которой могут служить стихи танского императора Сюань-цзуна, пожалованные им в дар главе японского посольства, прибывшего к императорскому двору в 752 году. Приведем стихотворение полностью:

Все народы под солнцем
Не столь уж различны обычаям.
Ибо там, где центр Неба,
Они с радостью все собрались ко двору.

Вот и ты предстаешь предо мной,
Ибо думы о долге мои простерлись вдаль,
А я восхваляю тебя,
Ибо путь твой опасен и долог.

Над простором морским
Как велик диск осенней луны!
На обратном пути
В парус вечером буря ударит.

Но затем, ты, вернувшись домой,
Изумишь своего государя.
Ванов наших влияние – изменение к добру
Как оно далеко воссияло! /5, 65/

В заключение добавим только, что стихи Сюань-цзуна, являясь, несомненно, художественным произведением, написаны, тем не менее, в полном соответствии с официальной доктриной внешних сношений, основанной на механике "стимул – реакция".⁴ Только в них изложены не все этапы этого циклического процесса – опущен момент первоначального императорского воздействия – зато применительно к ситуации – стихи вручены при возвращении посла домой. Сделан акцент на значении посещения императорского двора, в ре-

зультате которого, по мнению Свань-цзуна, его преобразующее благое влияние смогло "просиять" в столь далекой стране.

1 Образцами такой изящной словесности могут служить тексты дипломов, которые императорский двор жаловал правителям соседних стран. О дипломе У Далай-ламы см. 3, 118-126.

2 Об этом мы писали подробнее в сообщении о Су Дун-по, см. I, 72-77.

3 Об этой концепции императорской власти подробнее см. 3, 37-46.

4 О внешних сношениях как замкнутом цикле подробнее - в нашей статье об императорской власти, см. 2, 78-82.

Литература

1. А.С.Мартынов, Конфуцианская личность и государство - "Общество и государство в Китае", М., 1975, с.72-83.

2. А.С.Мартынов, Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции - "Народы Азии и Африки", М., 1972, № 5, с.72-82.

3. А.С.Мартынов, Статус Тибета в XVII-XVIII веках, М., 1978.

4. Бань Гу. Хань шу (История династии Хань), Изд. "Чжунхуашуцзюй", Пекин, 1964.

5. Ван Цзи-у. Чжунго жибэнь цзяотун ши (История взаимоотношений Китая и Японии), Шанхай, 1936.

6. Гу вэнь гуань чжи (Антология древней прозы), Пекин, 1961.

7. Дай цин ли чао ши лу (Хроника великой цинской династии по царствованиям), Токио, 1937. Раздел "Гао-цзун чао" (Царствование Гао-цзуна).

8. Оуян Сю. Оуян Юн-шу цзи (Собрание сочинений Оуян Сю), Шанхай, 1958.

9. Цюань тан ши (Полное собрание стихов династии Тан), Пекин, 1960.

10. Юй чжи вэнь ши цюань цзи (Полное собрание стихов и прозы о десяти военных кампаниях). Кс. 1974 (?) бм.